

С. А. Фостова

ФОРТ №5 В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ КАЛИНИНГРАДЦЕВ

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 30.09.2022 г.

Принята к публикации 30.11.2022 г.

doi: 10.5922/sikbfu-2022-4-7

70

Для цитирования: Фостова С. А. Форт №5 в исторической памяти калининградцев // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2022. №4. С. 70–82. doi: 10.5922/sikbfu-2022-4-7.

Кёнигсбергский форт №5 «Фридрих Вильгельм III», построенный во второй половине XIX в., до Второй мировой войны никогда не использовался в боевых действиях. Однако в ходе штурма Кёнигсберга советскими войсками в апреле 1945 г. он четыре дня подвергался массированной атаке частей всех родов войск 3-го Белорусского фронта, после чего был сдан немецким командованием. За штурм форта позже пятнадцать человек были удостоены звания Героя Советского Союза. На основе неопубликованных документов 1970–1980-х гг. из архива Калининградского областного историко-художественного музея рассматривается процесс включения бывшей немецкой крепости в историческую память жителей советского Калининграда в связи с событиями Восточно-Прусской операции. Выявляются причины музеефикации именно этого форта среди других фортификационных сооружений, прослеживается его становление как места памяти. Подробно описываются и анализируются две концепции превращения форта в мемориал, воплощенные в проектах скульпторов из московского объединения «Росмонументискусство» и сотрудников областного историко-художественного музея. Делается вывод о принципах реконструкции и границах допустимого в процессе приспособления немецких памятников к задачам политики памяти, направленной на наполнение исторического ландшафта города советскими атрибутами. В заключении обосновывается ключевая роль открытого на основе форта №5 мемориала как посредника (медиа) между прошлым края и жителями области, способствующего популяризации исторического нарратива о штурме Кёнигсберга Красной армией как о центральном событии Восточно-Прусской операции 1945 г.

Ключевые слова: историческая память, Калининград, музеефикация, музей, пятый форт, фортификация

Восточно-Прусская операция в ходе Великой Отечественной войны стала событием, которое разделило историю края на досоветский и советский периоды и вместе с тем послужило фундаментом исторической памяти калининградцев. М. А. Гареев и Г. В. Кретинин называют особенностью исторической памяти калининградцев о Великой Отечествен-

ной войне «“виртуальный” воображаемый» характер ее передачи. Дело в том, что большинство участников Восточно-Прусской операции 1945 г. покинуло Калининградскую область до ее массового заселения, а новые жители края, в свою очередь, приезжали с иной локальной памятью о войне [9, с. 168]. Таким образом, для передачи знаний и представлений о событиях 1945 г. изначально требовались посредники (медиа).

Следует пояснить, что с конца 1990-х гг. на стыке дисциплин *memory studies* и *media studies* возникло исследовательское поле *media memory*, в фокусе внимания которого оказывается тезис о том, что память опирается на культурные артефакты и «по определению опосредована» [27, с. 376]. Ведущие исследовательницы *media memory* А. Эрл и Э. Ригней считают, что память, передающаяся внутри и между поколениями, является «продуктом публичных актов воспоминаний», использующих различных посредников (media): устную и письменную историю, изображения, музеи и памятники [33, р. 111]. Поэтому калининградские памятники, мемориалы, музеи, формировавшие знания калининградцев о войне, можно, в свою очередь, рассматривать как посредников при передаче памяти о Восточно-Прусской операции новым поколениям жителей, а также приедем туристам.

Восточно-Прусская операция в фокусе *memory studies* не раз рассматривалась историками. Авторы интересуют истоки, формирование и сохранение памяти о войне, ее выражение в топонимике и памятниках [6; 14–21].

Целью настоящей статьи является изучение процесса включения в историческую память калининградцев о Великой Отечественной войне бывшего немецкого сооружения через его музеефикацию на примере форта №5 «Фридрих Вильгельм III».

Исследование выполнено на основе ранее не опубликованных документов Калининградского областного историко-художественного музея (КОИХМ), филиалом которого форт стал в 1978 г. Дополнительные сведения о благоустройстве форта были найдены в фондах Калининградского горсовета (Ф. Р-216) и горисполкома (Ф. Р-297), находящихся в Государственном архиве Калининградской области. В работе использованы материалы периодической печати, в некоторых случаях способствовавшие заполнению лакун в представлении об этапах реконструкции и эксплуатации сооружения, а также интервью Н. И. Быковой — заведующей филиалом в первые годы его существования, автора или составителя ряда документов, проанализированных в статье.

В публикации используются типологический и компаративный методы, применявшиеся при сравнении разных концепций музеефикации форта.

От форта к месту памяти

Форт №5 был построен в 1878 г. и входил в первую из трех линий обороны Кёнигсберга, состоявшей из кольца двенадцати фортов (и трех промежуточных укреплений), дотов и других железобетонных оборонительных сооружений. Изначально форт имел только порядковый номер, но в 1894 г. ему было присвоено имя прусского короля Фри-

дриха Вильгельма III [22, с. 21]. Стратегической задачей форта была защита дороги на Раушен (ныне г. Светлогорск) — по ней осуществлялся подвоз боеприпасов, эвакуация раненых, выдвижение дивизий. До Второй мировой войны фортификационное сооружение не участвовало в сражениях.

В ходе Восточно-Прусской операции 1945 г. командующий 43-й армией А.П. Белобородов, анализируя фортификационную систему Кёнигсберга, отмечал, что советским войскам впервые приходилось брать «столь мощную многополосную оборону», базировавшуюся на фортах, которые можно было «по меньшей мере, подавить» [3, с. 327] только с помощью крупнокалиберной артиллерии, активно использованной при взятии форта №5.

72

Накануне штурма форт четыре дня был объектом артобстрела с целью снятия земляной подушки и обнажения бетонных и кирпичных основ сооружения. Один из разработчиков оперативного плана боевых действий по взятию Кёнигсберга генерал И. Х. Баграмян вспоминал, что по форту №5 и соседнему с ним №5 а «было выпущено 500—600 снарядов из наших самых мощных орудий (203- и 280-миллиметровых), но разрушить их так и не удалось» [2, с. 489]. Среди отличившихся во время штурма форта в литературе отмечается поименно около двадцати человек, пятнадцать из которых получили звание Героя Советского Союза, включая лейтенанта М. Джабиева и сержанта А. Кондруцкого, водрузивших над крепостью Красное знамя [4, с. 4]. К 5 часам утра 8 апреля 1945 г. форт капитулировал.

После войны форт использовался как площадка для ликвидации найденных в городе взрывоопасных предметов [22, с. 71—72]. При этом его разрушенные стены разбирались на кирпич для восстановления улиц и домов, а металлические элементы (ворота, двери, винтовые лестницы, лифтовые подъемники, стеллажи для боеприпасов) были демонтированы [10, с. 159].

Кроме того, в течение двадцати лет после войны в форту функционировал склад¹, на котором хранились тряпье, старая резина и другой утиль. Журналист «Калининградской правды» Я. Зарахович по этому поводу заметил, что теперь «“гарнизон”» форта «составляют рабочие базы “Вторсырьё”» [11]. Надо отметить, что подобное использование бывших фортификационных сооружений было нормой в бывшем Кёнигсберге и даже рассматривалось в позитивном ключе как акт превращения старого милитаризованного прусского города в молодой и мирный советский Калининград. Так, в 1953 г. старший научный сотрудник КОИХМ Ю. Цыганков писал: «В бывших фортах устроены склады, где вместо смертоносных орудий хранятся овощи и картофель, семена и сельскохозяйственные орудия» [32].

¹ Несмотря на сообщения прессы, исследовать истории форта №5 А.П. Овсянов настаивает, что с лета 1945 г. казематах форта размещался автомобильный батальон, затем санитарная рота 50-й армии. В 1950-е гг. помещения использовались как армейские склады, а с 1960-х гг. форт был бесхозным, но в нем производилась заготовка металла [22, с. 78].

О музеефикации части форта стало известно в апреле 1969 г. В газетной публикации сообщалось, что исполком Калининградского горсовета решил «открыть в помещении форта №5 комнату боевой славы и подготовить здесь экспозицию о штурме Кёнигсберга» [5]. Предполагалось также «в ближайшее время» благоустроить прилегающую территорию и перенести в другое место мемориальную доску¹ в честь пятнадцати Героев Советского Союза. Однако почему из всех фортификационных сооружений бывшего Кёнигсберга именно ему повезло стать не только достопримечательностью, но и местом памяти Великой Отечественной войны?

Главной причиной, конечно, стало наличие сразу пятнадцати Героев Советского Союза, получивших это высокое звание за блокирование и штурм форта. А.П. Овсянов резонно отмечает, что форт постепенно становился «символом штурма Кёнигсберга» [22, с. 80]. Между тем в концепции музеефикации форта 1987 г., сформулированной заведующей будущим филиалом КОИХМ Н.И. Быковой, можно проследить и другие факторы, приведшие к выбору именно этого объекта.

Важную роль сыграло географическое расположение форта — в конце крупной транспортной артерии (Советского проспекта), ведущей к популярному курортному городу Светлогорску. Как отметила Н.И. Быкова, «место очень проходимое» [12].

Кроме того, большое значение имело физическое состояние форта. После штурма в стенах сооружения остались проломы и следы артиллерийского обстрела. Левая часть форта, использовавшаяся для обезвреживания снарядов и мин, была практически полностью разрушена. Также из-за нарушения системы водоснабжения часть помещений была затоплена, что привело к частичным разрушениям кирпичных стен и сводов. Таким образом, именно из-за всех повреждений форт не мог рассматриваться «в качестве памятника фортификационной архитектуры Германии 19—20 вв.»². Соответственно, сотрудники историко-художественного музея, работавшие над концепцией музеефикации форта, вычеркнув связь с немецким, а значит, вражеским, фашистским прошлым, оставили достаточно пространства для интерпретации форта как «места памяти массового героизма советских воинов» [1, ф. 1, оп. 6, д. 116, л. 15].

Вместе с тем как место памяти Великой Отечественной войны форт был отмечен в литературе для туристов уже в начале 1960-х гг. Например, он входил в маршрут №2 по Калининграду под названием «Штурм Кёнигсберга» [13, с. 64—66]. Среди 16 мест города, связанных со штурмом, форт №5 был практически единственным упомянутым фортификационным сооружением, наряду башней «Дона», также названной в путеводителе «фортом»³.

¹ Вероятно, эта доска была установлена у форта до сентября 1967 г. по решению горисполкома №267 от 30 июня 1966 г. [8, ф. Р-216, оп. 1, д. 616, л. 14].

² В отличие от достаточно хорошо сохранившихся №1, 3, 5а, 6, 7, 8, 10, 11, 12 [1, ф. 1, оп. 6, д. 116, л. 15].

³ Также сам форт №5 в путеводителе назван в честь «Фридриха Вильгельма», а не Фридриха Вильгельма III.

В 1966 г. форт также входил в экскурсионные маршруты, организацией которых занималась комиссия по культурно-спортивной работе при Калининградском горсовете [8, ф. Р-216, оп. 1, д. 534, л. 162–165]. Учтывая, что 30 июня горисполком отдал распоряжение отремонтировать дорогу, ведущую к форту, поддерживать в чистоте всю территорию форта, а также выделить часть форта для осмотра экскурсантами, в значимости форта для туризма, просвещения, патриотического воспитания и памяти сомневаться не приходится [8, ф. Р-216, оп. 1, д. 616, л. 13–14].

Распространению знаний о военной истории форта 1945 г. помогли сотрудники КОИХМ, в 1970-е гг. собравшие и опубликовавшие материал о штурме форта №5 советскими воинами, «чем вызвали к нему интерес» [10, с. 159].

К 9 мая 1973 г. были проведены первые работы по благоустройству форта. Председатель Центрального райисполкома В.М. Земжицкий утверждал, что предложение о создании там мемориала высказали рабочие промышленных предприятий Центрального района. Затем оно было поддержано в райкоме партии и райисполкоме [28]. Спустя два года мемориал дополнился монументальным скульптурным ансамблем, изображавшим группу воинов, которая «в неудержимом порыве атакует форт» [23].

Таким образом, за три послевоенных десятилетия в результате деятельности городских служб, специалистов из сферы туризма, публикационной активности историков и работников культуры, а также инициатив местных жителей в общественном мнении и органах власти сложилось убеждение в необходимости превращения форта в музей.

Историческая память о войне и форт

Осознанное конструирование памяти о Великой Отечественной войне в Калининграде началось с возведения и открытия 30 сентября 1945 г. первого советского монумента в области — Мемориального ансамбля 1200 воинам 11-й Гвардейской армии, погибшим при штурме Кёнигсберга. Однако самыми первыми советскими воинскими памятниками на земле Восточной Пруссии фактически стали братские могилы.

В Калининградской области термин «памятник» и «исторический памятник» вплоть до начала 1950-х гг. использовался только в отношении захоронений советских воинов [14, с. 239]. В условиях не сформированной еще до конца интерпретации довоенной истории включать в список подлежащих охране государства объектов немецкие памятники было невозможно.

Памятники культуры Калининградской области подверглись ревизии только в 1950 г. вслед за постановлением Совета министров СССР от 14 октября 1948 г. «О мерах улучшения охраны памятников культуры» [25]. В ходе этой работы выяснилось, по выражению Г.В. Кретинина, что «“собственных”, советских» памятников культуры почти нет, но зато достаточно тех, что были установлены до 1945 г. После получения облисполкомом соответствующего распоряжения от первого секретаря Калининградского обкома ВКП(б) В.В. Щербакова некоторые довоенные памятники также смогли войти в перечень исторических [18, с. 30].

Учреждение Калининградского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК) в 1965 г., а также совершенствование советского законодательства в сфере охраны памятников¹ позволили расширить списки охраняемых государством объектов, что также привело к музеефикации некоторых немецких памятников, ранее воспринимавшихся в негативном свете.

1960-е гг. в СССР — это время, когда Великая Отечественная война начинает приобретать большее значение в социально-культурной сфере, организуются военно-патриотические движения, формируются коммеморативные практики, главной из которых стал парад Победы, ежегодно проводившийся во всех городах Советского Союза. На локальном уровне, как замечает один из ведущих исследователей исторической памяти в области Ю.В. Костяшов, «новый курс стимулировал создание в Калининграде большого числа новых мемориалов», посвященных подвигу воинов [15, с. 69].

В 1968 г. в городе открылся первый филиал КОИХМ — военный бункер (блиндаж), где была подписана капитуляция кёнигсбергского гарнизона. Спустя год вторым филиалом стал «Командный пункт 43-й армии» в пос. Холмогоровка, где он дислоцировался весной 1945 г. Наконец 21 ноября 1978 г. был образован филиал музея в форте №5, чья экспозиция должна была демонстрировать «героизм советских воинов в период штурма Кёнигсберга» [1, ф. 1, оп. 6, д. 116, л. 10].

В период 1960—1970-х гг. для всех республик Советского Союза было характерно расширение музейной сети за счет «превращения памятников истории и культуры в объекты музейного показа» [24, с. 196]. Именно благодаря музеефикации в короткий промежуток времени под эгидой историко-художественного музея было образовано сразу несколько филиалов.

Передача форта в ведение музея отвечала задаче музеефикации. Мемориалу требовались охрана, уборка, а также, по словам Н.И. Быковой, «люди, которые отвечали за эту территорию». Больше всего для этого подходил КОИХМ. Заведующая филиалом вспоминает, что поддержание порядка на форте было «очень тяжелой работой»: «Только заделают пролом, поставят решетку... а за ночь садоводы местные снимали поставленные решетки — и опять дыры и проломы» [7, с. 201]. В таких условиях музей регулярно инициировал ремонтные работы, хотя в некоторых документах они значились как «реставрационные» [1, ф. 1, оп. 6, д. 2, л. 19].

Благоустроительная деятельность музея к 1981 г. привела к тому, что форт был поставлен на учет как памятник Великой Отечественной войны [1, ф. 1, оп. 6, д. 116, л. 9], что не могло произойти в начальный период истории области, когда немецкие сооружения вовсе не считались памятниками. Новый статус форта активизировал деятельность по разработке концепций музеефикации его будущей экспозиции.

¹ Включая появление 68-й статьи Конституции 1977 г., вменявшей в обязанности граждан СССР заботиться о сохранении исторических памятников и других культурных ценностей.

Противостояние двух концепций музеефикации

Двадцать первого ноября 1979 г. при участии Калининградского горисполкома и Министерства культуры РСФСР было сформулировано тематическое задание на развитие и благоустройство музейно-мемориального комплекса и парковой зоны на территории «бывшего форта №5».

Безымянный составитель задания указал, что на форте «необходимо воссоздать (курсив мой. — С. Ф.) систему оборонительных сооружений города-крепости Кёнигсберг», для того чтобы «более зримо представить героический подвиг советских вооруженных сил» [1, ф. 1, оп. 6, д. 116, л. 28].

Не позднее апреля 1985 г. свое проектное решение предложили архитекторы из московского объединения «Росмонументискусство» во главе с В. Г. Поповым и А. Г. Силаевым. Это было не первое для историко-художественного музея участие москвичей в городских музейных проектах. Так, в начале 1980-х гг. над первым архитектурно-планировочным проектом острова Октябрьского (ныне острова Канта) и парка скульптур на нем, бывшим также зоной ответственности музея, трудилась московская организация Союза художников РСФСР [30].

В вводной части представленного москвичами документа мемориальный комплекс форта был назван «серьезнейшим идеологическим контраргументом» против «последователей фашизма, реакционных кругов НАТО», недовольных политико-административным делением Европы после Второй мировой войны» [1, ф. 1, оп. 6, д. 107, л. 29].

Экспозиция в целом строилась по принципу показа участия всех родов войск в сражении. Это, по мнению авторов, должно было давать «ключ к пониманию всей степени массового героизма советских воинов» [Там же, л. 35].

Для погружения в атмосферу апреля 1945 г. учли рельеф местности (распаханная земля, воронки бомб и снарядов). Был предусмотрен «вечный огонь», рядом с которым у кромки алых цветочных клумб в виде звезд задумывалась установка многофигурной (не менее 25–40 воинов группами по 2–5 человек) композиции атакующих, размером 1,25–1,30 натуральной величины из кованой меди с заливкой баббитом¹ или цементом [Там же, л. 39]. В залах помещений бывших казарм планировалось кратко отразить историю края XIII–XX вв.: от создания «очага агрессии» с появления на берегу Балтийского моря Тевтонского ордена до создания «опорного пункта агрессии фашизма» в 1920–1930-е гг. Данная интерпретация была заимствована из головной экспозиции по истории области КОИХМ [31].

Были оборудованы специальные залы истории пехоты, артиллерии, авиации, флота с демонстрацией документов, фотографий, личных вещей, макетов оборонительных сооружений и моделей советского вооружения. В восьми помещениях, связанных с потерней², должна была быть размещена экспозиция, рассказывающая о четырех днях штурма города.

¹ Баббит — антифрикционный литейный сплав на основе олова с добавлением меди, свинца, сурьмы и других легирующих компонентов.

² Потерна — галерея (коридор) под землей или внутри массивного сооружения, предназначенная для сообщения между различными частями форта.

В них планировалось установить динамические электрифицированные карты города на каждый день штурма и текстовый материал, а также макеты зданий и сооружений, которые штурмовали наши войска. После этого был предусмотрен «Зал Салюта» и «Зал Парада», которые украшались витражами, мозаикой и скульптурой. Завершила экскурсию главная потерна, по своду которой литыми подсвечивающимися буквами должны были быть выложены фамилии всех Героев Советского Союза, удостоенных этого звания за Восточно-Прусскую операцию [1, ф. 1, оп. 6, д. 107, л. 40 – 44].

Отдельно было сказано об убежденности авторов в том, что «для создания нормальных эксплуатационных условий музея и предотвращения дальнейшего разрушения помещений и подушки форта» необходимо восстановить разрушенные части казарм, главный вход в форт, внешний вид фасадов с решетками, ставнями, остеклением, а также (для создания «натурального экспоната») полукапонир и горжевой капонир¹ [Там же, л. 41 – 42, 44].

Ориентировочная стоимость работ по созданию комплекса определялась в сумму около 5 млн руб.² Окончание работ было предварительно назначено на 1995 г. – 50-летие Восточно-Прусской операции [Там же, л. 45].

Нельзя не отметить большую работу, проведенную архитекторами «Росмонументискусства», их целенаправленное вовлечение в эмоциональное восприятие мемориала, нетрадиционный подход и достаточно смелые решения. Однако этот проект был слишком дорог для города, он не вполне учитывал особенности проводимой в Калининграде исторической политики, направленной на сокрытие следов немецкого прошлого в городском ландшафте, его замалчивание в краеведческих работах историков и туристических изданиях. Идеологически чуждое немецкое наследие должно было лишь оттенять успехи строительства социалистического города и достижения калининградцев в разных сферах, а также подчеркивать контраст между прошлым и настоящим. Уцелевшие фрагменты «немецкины» в городском пространстве осложняли воспроизведение привычных общесоюзных приемов в благоустройстве мемориальных зон (вроде «вечного огня» или принципа восстановления сооружений целиком). Все эти претензии и аргументы были высказаны критиками проекта со стороны местного музейного сообщества.

Вторая концепция, разработанная сотрудниками КОИХМ и оформленная Н. И. Быковой, была сочетанием методических наработок предшествующих лет, а также специально прописанных тезисов, оппонировавших концепции московских архитекторов. С начала 1980-х гг. сотрудниками музея предполагалось относительно недорогими и простыми способами приспособить оставшиеся на территории форта кон-

¹ Капонир – фланкирующая постройка, дающая огонь по двум противоположным направлениям. Горжа – тыльная сторона укреплений.

² Для сравнения: в 1985 г. институт «Калининградгражданпроект» выполнил документацию на первую очередь проектных работ по восстановлению форта №5 и благоустройству прилегающей территории стоимостью 250 тыс. руб. [1, ф. 1, оп. 3, д. 7, л. 64].

струкции и внутренние помещения для проведения экскурсий: обновить выставку артиллерийских орудий, оборудовать подходы ко всем точкам, закрыть доступ в аварийные части форта. Во внутренних помещениях следовало разместить экспозицию, рассказывающую об истории вальных укреплений Кёнигсберга с XVII в. до 1945 г., завершающуюся макетом форта. Экспозиция должна была повествовать о плане немецкого командования в случае длительной обороны и штурма форта, иллюстрируемом подробной схемой [1, ф. 1, оп. 6, д. 2, л. 16].

Эти же идеи присутствовали и в концепции развития форта 1986–1987 гг. Пунктом принципиальных разногласий с московскими архитекторами стал вопрос о целесообразности восстановления утраченных элементов форта. По мнению сотрудников музея, форт №5 «должен (курсив мой. — С.Ф.) остаться разрушенным» с консервацией следов войны от дальнейших погодных и временных воздействий. Тем более что согласно техническому паспорту физический износ здания к этому времени составлял 65 % [1, ф. 1, оп. 3, д. 7, л. 66]. Кроме того, восстановление потребовало бы большого количества средств [1, ф. 1, оп. 6, д. 116, л. 16]. И все же если пойти по этому пути, то он приведет к «созданию музея немецкого и фашистского оборонительного искусства» [1, ф. 1, оп. 3, д. 7, л. 84]. Сходная чувствительность к немецкому была выявлена категорическим отношением калининградцев к идее «вечного огня». Его установка «исключалась», поскольку это придавало памятнику «двусмысленное значение»: «на территории бывшего фашистского сооружения нет братских могил советских солдат, но вполне вероятны захоронения гитлеровцев» [1, ф. 1, оп. 6, д. 116, л. 20].

Первостепенная задача, по мнению сотрудников музея, заключалась в консервации крепостного сооружения и восстановлении подушки форта, трещины и сдвиги в которой приводили к размыванию кирпичных сводов и стен. Предполагалось также провести частичную реконструкцию тех деталей и объектов, которые необходимы для функционирования форта как музейного пространства, но не заниматься воссозданием большинства утраченных сооружений крепостного комплекса [Там же, л. 16].

Обе концепции были направлены на рецензирование. В архиве КОИХМ сохранилось четыре отзыва: два от представителей калининградских организаций (Калининградская ассоциация Союза архитекторов, областное отделение ВООПИК) и два от столичных (Центральный музей Вооруженных сил СССР, отдел музееведения НИИ культуры). Все рецензенты единогласно разделяли аргументы калининградцев и оказались на стороне музея [Там же, л. 1–6].

Труды «Росмонументискусства» впоследствии оценил только А. П. Овсянов, бывший военным консультантом московских архитекторов. Ему импонировала изобретательность проекта В. Г. Попова и А. Г. Силаева и план превратить форт №5 в «центр военно-патриотического воспитания молодежи» [22, с. 81]. В своей книге краевед отдал решающее слово в выборе между концепциями некому представителю обкома КПСС, якобы заявившему о том, что реализация московской концепции «будет способствовать пропаганде фашистской фортификации» [Там же]. Проверить это утверждение не представляется возможным, хотя похожие

прецеденты, когда от партийных чиновников зависела судьба того или иного памятника, имелись в истории края, как, например, в случае с Кёнигсбергским замком [29].

Несмотря на безоговорочную победу, сотрудникам музея не удалось реализовать свои идеи в полной мере. Через три года после составления последней концепции развития форта №5 в июле 1990 г. заведующая фортом Е. Радковская в газете «Калининградская правда» в очередной раз констатировала, что «в настоящее время остро стоит вопрос о музеефикации объекта». Форту все еще требовалась реставрация потерпелых и боковых казарменных помещений. Между тем в конце публикации автор заметки выразила уверенность в том, что форты и другие сооружения бывших линий обороны «должны быть поставлены в один ряд с памятниками искусства, архитектуры, науки и техники как часть культурного наследия прошлого» — мнение, которое, казалось бы, еще за три года до этого было немислимо в публичном дискурсе [26].

Таким образом, после войны форт №5, использовавшийся сначала военными как полигон для ликвидации немецких снарядов и боеприпасов, а затем как хозяйственный склад, разделил судьбу всех немецких сооружений области, с 1945 г. считавшихся по инерции вражескими, чуждыми. Однако его удобное местоположение, транспортная доступность в черте города и героические события штурма сделали его популярной достопримечательностью. В 1960-е гг. форт оказался в центре актуальных тенденций исторической политики в Советском Союзе, центральным пунктом которой стали распространение и укрепление памяти о Великой Отечественной войне. На местном уровне это веяние совпало с признанием некоторых немецких сооружений памятниками истории. На этом фоне городские власти начали уделять больше внимание благоустройству территорий форта, организовали установку мемориальной таблички в честь подвигов пятнадцати советских героев. В условиях распространения сотрудниками историко-художественного музея знаний о героизме советских воинов при взятии форта, а также при участии горожан — рабочих промышленных предприятий и зеленого хозяйства, мелиораторов, курсантов военных училищ, студентов и школьников [28] — у форта возникла мемориальная зона.

Музеефикация форта позволила, с одной стороны, в полной мере реализовать потенциал форта как места памяти, включить его в историческую память калининградцев о войне, использовать как удобное пространство для военно-патриотического воспитания молодежи, а с другой — стала инструментом физического сохранения сооружения. Однако в дискурсе осуществляемой региональными властями политики памяти, нивелирующей связанные с немецким прошлым объекты историко-культурного ландшафта города, а также в атмосфере идеологического противостояния Западу о восстановлении форта не могло быть и речи. Работники КОИХМ в своей деятельности не раз сталкивались с этими факторами [30; 31] и поэтому учитывали их при создании своей концепции развития форта в 1986—1987 гг., в отличие от московских специалистов из «Росмонументискусства». Заручившись поддержкой авторитетных учреждений культуры, местные специалисты сумели от-

стоять свое видение будущего музейного объекта. И хотя наличие проработанной концепции не слишком повлияло на ход реставрационных работ на форте, оно тем не менее упрочило его восприятие как ключевого места памяти и посредника (медиа) исторической памяти о штурме Кёнигсберга, а также места поклонения массовому героизму солдат Красной армии.

Статья выполнена в рамках реализации проекта «Историческая память как фактор геополитической безопасности на западных рубежах России» по программе «Приоритет-2030».

Список литературы

1. *Архив Калининградского областного историко-художественного музея.*
2. *Баграмян И. Х.* Так шли мы к победе. М., 2015.
3. *Белобородов А. П.* Победный залп над Балтикой // Всегда в бою. М., 1984. С. 326–348.
4. *Быкова Н. И.* Форт №5 – место массового героизма советских воинов. Калининград, 1984.
5. *В честь героев* // Калининградская правда. 1969. 26 апр. С. 2.
6. *Величко В.* Падение Кёнигсберга // Штурм Кёнигсберга: Очерки, воспоминания, документы. Калининград, 1959. С. 49–69.
7. *Воробьева Ю. С.* «...Одно время на стоянке за музеем находилось семнадцать туристических автобусов...» // Время музея. 2021. Вып. 4. С. 195–211.
8. *Государственный архив Калининградской области.*
9. *Гареев М. А., Кретинин Г. В.* Познание Победы // Калининградские архивы: материалы и исследования : сб. ст. Калининград, 2019. Вып. 16. С. 163–177.
10. *Дом, в котором живет история...* Калининград, 2017.
11. *Зарахович Я.* Снова эхо войны // Калининградская правда. 1965. 18 апр. С. 4.
12. *Интервью с Натальей Ивановной Быковой от 22 марта 2019 г.* // Личный архив автора статьи.
13. *Колганова Э. М., Колганов И. П., Иванов Ю. Н.* Путешествуйте по Калининградской области. Калининград, 1961.
14. *Костяшов Ю. В.* Восприятие и мемориализация культурного прошлого Кёнигсберга в современном Калининграде // Модернизация культуры: от человека традиции к креативному субъекту. Самара, 2017. С. 237–241.
15. *Костяшов Ю. В.* Советские воинские монументы в Калининграде и эволюция исторической памяти (середина XX – начало XXI в.) // Наследие веков. 2020. №3. С. 62–72.
16. *Кретинин Г. В.* Проблема формирования и сохранения исторической памяти о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. в Калининградской области России // Путь к Великой Победе: история и современность. Майкоп, 2020. С. 259–263.
17. *Кретинин Г. В.* Исчезновение и (или?) воскрешение исторической памяти. О боевом и трудовом подвигах Героя Советского Союза И. К. Липчанского // Калининградские архивы: материалы и исследования : сб. ст. Калининград, 2016. Вып. 13. С. 42–52.

18. Кретинин Г. В. К проблеме формирования «мест памяти» в Калининградской области // Эйлау 1807 года и Восточная Пруссия в эпоху Наполеоновских войн. Калининград, 2016. С. 29–39.
19. Кретинин Г. В. Об истоках формирования исторической памяти жителей Калининградской области (1945–1960) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2015. №12. С. 61–66.
20. Маслов В. Н. Советская академическая наука и формирование исторической памяти при переименовании населенных пунктов Калининградской области // Историческая экспертиза. 2016. №3. С. 100–107.
21. Овсянов А. Были и небылицы фортов Кёнигсберга // Кёнигсбергский курьер. 1992. №5 (19). С. 4.
22. Овсянов А. П. Форт №5. Памятник героям штурма Кёнигсберга. Калининград, 2010.
23. Ольгин К. Новые черты мемориала // Калининградская правда. 1975. 19 окт. С. 4.
24. Основы музееведения. М., 2005.
25. О мерах улучшения охраны памятников культуры : постановление Совета министров СССР от 14.10.1948 №3898. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4718.htm (дата обращения: 29.09.2022).
26. Радковская Е. Пятый форт // Калининградская правда. 1990. 18 июля. С. 4.
27. Сафронова Ю. А. Институты медиа памяти. Вопросы без ответов // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы. СПб., 2020. С. 376–390.
28. Там, где гремел жаркий бой // Калининградская правда. 1973. 13 мая. С. 4.
29. Фостова С. А. Дискуссия о судьбе Кёнигсбергского замка и его разрушении в 1950–1960-е годы (из фондов Государственного архива Калининградской области) // Калининградские архивы. 2015. Вып. 12. С. 179–204.
30. Фостова С. А. Из истории организации «Парка скульптур» в 1981–1991 годах (из фондов архива областного историко-художественного музея) // Время музея. Калининград, 2018. Вып. 1. С. 111–127.
31. Фостова С. А. Региональная история в экспозиции Калининградского историко-художественного музея (1946–1991) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2019. №2. С. 67–75.
32. Цыганков Ю. Старый город и Литовский вал // Калининградская правда. 1953. 7 июня. С. 3.
33. Erll A., Rigney A. Literature and the Production of Cultural Memory: Introduction // European Journal of English Studies. 2006. Vol. 10, №2. P. 111–115.

Об авторе

Сюзанна Андреевна Фостова – мл. науч. сотр., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: fostsa@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-5634-166X>

S. A. Fostova

FORT №5 IN THE HISTORICAL MEMORY
OF KALININGRAD RESIDENTS

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 30 September 2022

Accepted 30 November 2022

doi: 10.5922/sikbfu-2022-4-7

82

To cite this article: Fostova S. A. 2022, Fort №5 in the historical memory of Kaliningrad residents, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №4. P. 70–82. doi: 10.5922/sikbfu-2022-4-7.

The Königsberg Fort №5 “Friedrich Wilhelm III”, built in the second half of the 19th century was never used in military operations before the Second World War. But during the storm of Königsberg by the Soviet troops in April, 1945, it had been exposed to the attacks of all kinds of forces of the 3rd Belorussian front for four days and was surrendered by the German command. Later fifteen men were awarded the title of Hero of the Soviet Union for the fort storming. The article is based on the unpublished documents dating from 1970 – 1980s from the archives of the Kaliningrad Regional Museum of History and Art which are related to the events of the East Prussian invasion. The author studies the process of including the former German fortress in the historical memory of the Soviet Kaliningrad inhabitants. The article identifies the reasons for the museumisation of the fortress among other fortification structures and its formation as a place of memory. Two concept plans of turning the fort into a memorial are described and analyzed in detail: projects by sculptors from the Moscow organization Rosmonumentyuskustvo and by workers of the Regional Museum of History and Art. The conclusion is made about the principles of reconstruction and the limits of what is admissible in the process of adjusting the German monuments to the objectives of the memory policy aimed at filling the historic landscape of the city with the Soviet attributes. The conclusion substantiates the key role of the memorial opened at Fort №5 as a mediator (media) between the past of the region and the inhabitants of the region to promote the historical narrative about the storming of Königsberg by the Red Army as the central event of the East Prussian operation of 1945.

Keywords: fort №5, fortification, historical memory, Kaliningrad, museum, museumisation

The author

Suzanna A. Fostova, Junior Researcher, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: fostsa@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-5634-166X>